

сказочники не знают сказаний о волшебном народе Дон (или Дану), о принце Гвидионе из этого народа, но Пушкин упоминает эти имена: царь Дадон, царевич Гвидон... Еще более удивительно, что нередко новейшие фольклорные сборы в русской глубинке вскрывают именно те неизвестные доселе пласты общеевропейских параллелей, на которые уже намекал Пушкин...⁹

Упоминает Пушкин и о белке Ротатоск — помните, в «Сказке о царе Салтане»:

*Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет
Да орешки все грызет...*

К слову, сия ель (вероятно, вернее будет сказать — сия Ель) возвышается не где-нибудь, а на острове Буян, который выглядит славянским аналогом кельтского Аваллона — священного острова в Западных морях. И белка эта — еще к слову — совершенно не случайно *песенки поет* — у Пушкина в сказках вообще нет случайных слов. Впрочем, об этом чуть позже, а пока довольно и о белке.

Спустимся еще чуть ниже — туда, куда бежит Ротатоск, неся Силу Ора. Здесь, у корней Ясеня, бьет священный источник Урд. Здесь — центр Мира. У этого источника богини судьбы — норны — прядут жизни людей, богов и всего живого. Сюда боги съезжаются, чтобы держать совет:

*Кермт и Эрмт,
и Керлауг обе
Тор вброд переходит
в те дни, когда асы
вершат правосудье
у ясеня Иггдрасиль;*

⁹ Такова, например, русская сказка о девушке, чародейством созданной из цветов и позднее погибшей. Сказка является, вероятно, параллелью кельтским сказаниям о народе Дон и принце Гвидионе, которых касался Пушкин, но была записана лишь в начале XX века и опубликована И. Симоновым в 1960 году (*Охотники за сказками*. М., 1960). Вместе с тем нельзя не отметить тот факт, что Пушкин пользовался и лубочным вариантом русской «Сказки о Бове-королевиче», восходящим к итальянскому варианту, который восходит куда-то еще...